

Человек, скромно называющий себя лишь создателем песен

■ Тынис Мяги - один из немногих людей в Эстонии, кто без преувеличения достоин титула звезды, поскольку в свое время его знала шестая часть земного шара, - признается, что прожил по меньшей мере семь жизней. И правильные поворотные моменты он распознавал благодаря внутреннему голосу - компасу, подсказывавшему, когда он должен что-то сделать и когда не должен делать ничего, когда должен что-то сказать и когда нельзя ничего говорить.

Тезт КОРСТЕН
teet@pohjarannik.ee

- Мы находимся сейчас в вашем доме в одной из городских частей Эльва, расположенной посреди леса. Я слышал такую историю: московские евреи рассуждают, где же находится этот Тарту, и тут один хлопает себя по лбу и говорит, что это ведь городок перед Эльва. Эльва был популярным местом отдыха в СССР, сюда любили приезжать и москвичи. А вдруг большинство людей в Эстонии и не знают, что это за местечко?

- Странно, но по крайней мере каждый третий, с кем я сталкивался, знает. В свое время тут, напротив нас, находилась летний дом писателей, где жила Астрид Рейна, где она и придумала идею "Ынне, 13", эстонского телесериала, которому скоро исполнится 21 год, а также написала первые его части. Айн Каален (*эстонский поэт, драматург, критик и переводчик. - Прим. ред.*) родилась здесь и живет здесь.

- А как вы здесь поселились?

- Совершенно случайно - хотя случайностей не бывает. У этого дома очень много общего с тем, в котором я родился в Таллинне в Меривилья. Когда мы в 2008 году с супругой Кярт увидели дом, она первым делом сказала, что этот дом похож на корабль, как и тот, в котором я родился. И ощущение места - внезапно понимаешь, что этот дом будто уже давно тебе знаком.

- Окрестности Эльва чрезвычайно интересны уже потому, что здесь - сосновый лес и постоянное ощущение, будто где-то поблизости должно быть море. Нигде в южной Эстонии нет так много леса - сосны и ели.

- И, наверное, здесь существует какая-то особая аура. В советское время тут отдыхала летом Плиссеская, и, конечно, здесь отдыхали некоторые космонавты - среди них Георгий Гречко. У Калашникова я якобы была дача в Эльва. Необыкновенное место.

- Я прочитал в вашей книге "Müümatu naer" ("Непродавшийся смех"), что достойного внимания, как вы в своих песнях предсказываете будущее - в словах песен есть какой-то намек, который позднее обретает, так сказать, плоть.

- Таких примеров много. Один из них - наш кот Тики. Как-то раз в 2008 году он появился за нашим окном, загля-

дывал в него и не уходил. Мы его в какой-то момент выпустили - и вот он здесь у нас. А в 1979 году я написал песню "Déja vu", в ней речь шла о желтом коте. Когда мы раз запели эту песню вместе с Кярт, она сказала, что я должен быть крайне осторожным со словами своих песен, ведь они превращаются в реальность.

- Есть и еще такие песни. Когда у меня выходил "Tõnis Mägi poodiagrama" ("Нотный сборник Тыниса Мяги", 2010), мне пришлось расставлять тексты по порядку и проверять их, и я изумился: есть несколько песен, в которых будто предсказано, что произойдет. Я ни в коем случае не хочу считать себя пророком. В одной песне даже написал: "Я не спаситель, я не пророк. Я не скажу вам, что правильно и что нет. Я просто создатель песен".

- Несколько лет назад по одному из российских телеканалов прошел интересный полнометражный фильм о вас, который не был плох, однако в нем насмешил момент, который давал понять, будто у вас серьезные проблемы с алкоголем. На самом деле речь шла о кадрах из рок-оперы "Ruja", где вы играли пьянчугу, который тоже выступил с мощной песней.

- Я несколько раз просмотрел этот фильм.

- Он сделан профессионально - на первый взгляд все вроде бы в порядке. Репортерша, которую не видно на картинке, прилично выучилась, она будто профессиональным следователем время от времени спрашивала: "А как обстояли дела с этим?".

- Когда мне было 14 лет и я жил в Ласнамяэ, всех подростков как-то раз в милицию, где стоял три-четыре стола, за которыми милиционеры допрашивали мальчишек.

- Рядом со мной сидел британец, которого допрашивал мужчина в большом сером пиджаке и с волосами чуть подлиннее, одновременно чистивший свой револьвер и время от времени просматривавший его на свет - вычищен ли ствол. Они разговаривали о рыбалке. Мол, тут страшно рыбные места, а следователь поправил, что там-то места еще лучше.

- Разговаривают себе и разговаривают, и тут вдруг мужчина спрашивает: "Шубу куда дел?".

- Вот и та репортерша снова и снова спрашивала: "Так, а как с выпивкой?". Разговор зашел о том, что я занимался также театром, вручил им DVD с записью спектакля "Ruja", чтобы они посмотрели, чем я занимаюсь. Я той ролью горжусь, она

довольно хорошо сыграна. И тот эпизод, где я в роли пьянчуги, они вставили без комментариев. Некоторые друзья в Москве спрашивали: "Неужели? Мы и не знали, что с тобой все так плохо".

- Хотя у "пьянчуги" микрофон на щеке висел, однако использованы были именно те кадры, где его не видно.

- К тому же, Оясоо и Семпер построили на сцене на время спектакля настоящую квартиру и выглядела она реалистично.

- В то же время вы пишете в своей книге, что у вас бывали периоды, когда алкоголь становился проблемой. Например, в одном месте описываете, как вам меняют всю кровь, чтобы к концерту артист был более-менее трезвый.

- Когда мы давали концерты в России, их зачастую бывало по четыре-пять в день, иногда даже больше. Хотя, как правило, по три концерта в день. В Кузнецке получилось так, что у нас был концерт утром, следующий - в 18 часов и еще один в 21 час.

- Мы с басистом Оравом после утреннего концерта пошли пообедать и нам пришла в голову мысль немножко выпить. К шести часам мы были тотально пьяны. Занавес задернули и сказали, что произошел несчастный случай, а в зале кто-то еще крикнул: "Он же, б...ь, пьяный!".

- Тогда подъехала машина скорой помощи, меня увезли в больницу, положили - и в одну трубку выпустили мою кровь, а в другую влили кровь какого-то шахтера. Вышел еще на том же концерте - они меня ждали! Выступил, а публика смотрела, что и не пьяный вовсе.

- Маргус Орав был урженем Йхви. Ваня группа "Music Seif" из-за гибели Маргуса попала даже под следствие в Венгрии. Странная история!

- Да, Маргус утонул в Балатоне. Предположительно, у него была трещина в челюсти. У нас выпрашивали, не дрались ли кто-нибудь. Там никого, кроме нас, не было - только дети еще играли. Вода была дико теплая.

- Когда люди выходят из озера, то иногда садятся в воде, где помельче, будто в ванной. Я считал, что дети бросали там камушки и случайно один мог попасть Маргусу в лицо, и он потерял сознание.

- Перед отъездом он говорил на Балтийском вокзале: "Интересно, что всегда очень хочется выехать куда-нибудь, а вот сейчас не хочется".

- Вы можете описать кратко, работающую внутри группы и сплачивающую ее?

- Моим идеальным составом был действовавший в начале 1990-х "777". Мы очень хорошо подходили друг другу - как творчески, так и духовно. Нам было о чем поговорить, не только о музыке. Сложно сказать, как собирается группа. Что касается "Music Seif", то Орав был в ней бас-гитаристом,

но в какой-то момент показалось, что он - не лучший, что нам надо взять другого, который играл бы более круто, что надо двигаться вперед...

- Взяли нового исполнителя. Хотя он играл хорошо, но пробыл с нами два месяца... и мы приняли Ораву обратно. Орав был будто аккумулятором, как бы связующим звеном разных энергий и примирителем - замечательный человек. Это и в группе очень важно, чтобы был кто-то такой, когда все настолько великие личности, что иной раз и разговаривать друг с другом не могут.

- Вы говорили, что у актеров пение получается лучше.

- Да, если говорить о песне, несущей в себе некую весть. Если ее уловить, то актеры поют лучше певцов, с которыми снова и снова получается так, что по части голоса все прекрасно, а той верной "температуры", что есть в этой песне, они не улавливают. Актеры воспринимают песню как роль, раскрывают ее текст и складывают заново. Это будто стихотворение, исполняемое на языке звуков.

- Какие песни вы бы сами выделили в своем творчестве, в какие действительно можно, так сказать, погрузиться?

- Песни, подобные литературным историям. "Aed" ("Сао") Риго Сибула - одна из таких песен, которая стала действительно моей и в которой всегда находилась что-то новое. Дело уже не в том, о чем идет речь, поскольку я так много ее "перелопачивал", а в том, как к ней относиться. Эту песню можно исполнять очень грустно, иронично, надменно - или смешивая все эти варианты между собой. "Liivakell" ("Песочные часы") и "Elutants" ("Тяжелая жизнь") - наверняка так, что в них содержится вся жизнь человека. На последнем диске "Teine tuum" ("Другое пространство") записаны правда, тексты польского поэта Збигнева Херберта, но они тоже такие, что слушаешь - и видишь картины!

- Как вы пришли к театру?

- В 1996 году Микк Микивер как-то сказал мне: "Тынис, я хотел бы заняться с тобой театром. Сыграй Тузенбаху в "Трех сестрах".

- Я подумал, что он шутит, однако дебют в театре оказался очень удачным.

- Далее было еще несколько постановок с Микивером - "Война и мир", "Воспоминания о двух понедельниках" Артура Миллера, "Говори со мной словно дождь" Теннесси Уильямса. Когда-то я сказал своей тогдашней жене Лайне Мяги, что она могла бы пойти в театральную школу, поскольку видела, что у нее есть талант. Она пошла - и поступила. Мой зять Мярт Аванди тоже хороший актер.

- И на одном стадионе таких концертов бывало по меньшей мере два в день - как на коньякере. Обычно на этот кон-

церт был доволен, это "Король Убио" (режиссер Tüüt Ojsoo, 2006) и та самая вышеупомянутая роль в "Ruja".

- Что вы думаете сейчас о своих песнях на русском языке, с которыми стали известны на одной шестой суши земного шара?

- Когда я спел "Олимпиада-80", мне было 30 лет - совсем мальчишка. Хотя СССР вторгся тогда в Афганистан, я посчитал, что это - олимпийская история, отдельно стоящая вещь. По сути, это уже тогда было тотальной политикой! Уже тогда можно было проявить непреклонность и сказать "нет!", но вышло так, как вышло. Теперь, через 35 лет, в свете того, что приближалась сочинская Олимпиада, меня начали бомбить из российской прессы практически каждый день: "Приезжайте в студию, тут собралось так много известных лиц, вспомним советское время!". Мне не хотелось им говорить, что я даже вспомнить его не хочу. Если бы я отправился петь песню "Олимпиада-80", то это сразу бы впрягли в пропагандистскую телегу.

- В прошлом году 14 декабря после долгого перерыва съездил с концертом в Москву, где спел вместе с тартуским ансамблем "Estraadiadio" четыре песни. Там тоже насладились, что "Олимпиада" нужна. Я сказал, что уже не смогу спеть ее, а они все равно подложили перед выступлением текст, от чего у меня волосы дыбом встали. Если же говорить о других песнях, то Виктор Резников написал "Мой дворик" и "Меняю" - это суперпесни, они были даже запрещены в какой-то момент. Мы с Витей, который позднее очень странно умер, стали большими друзьями, и его песни я с удовольствием пою до сих пор. Или песню Давида Тухманова "Остановите музыку" до сих пор петь не стыдно.

- Каким в действительности был Советском Союзе шоу-бизнес, которого официально как бы не существовало? Как бы вы описали свою роль в нем?

- В Москве было шесть-семь человек, которые на самом деле руководили всем соответствующим бизнесом в Союзе. Точно как в США - несколько типов, которые в действительности всем рулят. Эти же люди находились как бы под крылом Госконцерта и Росконцерта, но на самом деле они действовали независимо.

- Им давали добро, шоу-бизнес был бизнесом, в котором деньги зачастую давали в конвертах.

- Мне представляется, что так происходит и до сих пор. Летом на больших стадионах проходили гала-концерты с участием двух-трех групп, выступали еще, например, танцовщица из Большого театра, не входившие уже в первый эшелон, какие-нибудь юмористы...

- И на одном стадионе таких концертов бывало по меньшей мере два в день - как на коньякере. Обычно на этот кон-

церт был доволен, это "Король Убио" (режиссер Tüüt Ojsoo, 2006) и та самая вышеупомянутая роль в "Ruja".

- Что вы думаете сейчас о своих песнях на русском языке, с которыми стали известны на одной шестой суши земного шара?

- Когда я спел "Олимпиада-80", мне было 30 лет - совсем мальчишка. Хотя СССР вторгся тогда в Афганистан, я посчитал, что это - олимпийская история, отдельно стоящая вещь. По сути, это уже тогда было тотальной политикой! Уже тогда можно было проявить непреклонность и сказать "нет!", но вышло так, как вышло. Теперь, через 35 лет, в свете того, что приближалась сочинская Олимпиада, меня начали бомбить из российской прессы практически каждый день: "Приезжайте в студию, тут собралось так много известных лиц, вспомним советское время!". Мне не хотелось им говорить, что я даже вспомнить его не хочу. Если бы я отправился петь песню "Олимпиада-80", то это сразу бы впрягли в пропагандистскую телегу.

- В прошлом году 14 декабря после долгого перерыва съездил с концертом в Москву, где спел вместе с тартуским ансамблем "Estraadiadio" четыре песни. Там тоже насладились, что "Олимпиада" нужна. Я сказал, что уже не смогу спеть ее, а они все равно подложили перед выступлением текст, от чего у меня волосы дыбом встали. Если же говорить о других песнях, то Виктор Резников написал "Мой дворик" и "Меняю" - это суперпесни, они были даже запрещены в какой-то момент. Мы с Витей, который позднее очень странно умер, стали большими друзьями, и его песни я с удовольствием пою до сих пор. Или песню Давида Тухманова "Остановите музыку" до сих пор петь не стыдно.

- Каким в действительности был Советском Союзе шоу-бизнес, которого официально как бы не существовало? Как бы вы описали свою роль в нем?

- В Москве было шесть-семь человек, которые на самом деле руководили всем соответствующим бизнесом в Союзе. Точно как в США - несколько типов, которые в действительности всем рулят. Эти же люди находились как бы под крылом Госконцерта и Росконцерта, но на самом деле они действовали независимо.

- Им давали добро, шоу-бизнес был бизнесом, в котором деньги зачастую давали в конвертах.

- Мне представляется, что так происходит и до сих пор. Летом на больших стадионах проходили гала-концерты с участием двух-трех групп, выступали еще, например, танцовщица из Большого театра, не входившие уже в первый эшелон, какие-нибудь юмористы...

- И на одном стадионе таких концертов бывало по меньшей мере два в день - как на коньякере. Обычно на этот кон-

церт был доволен, это "Король Убио" (режиссер Tüüt Ojsoo, 2006) и та самая вышеупомянутая роль в "Ruja".

- Что вы думаете сейчас о своих песнях на русском языке, с которыми стали известны на одной шестой суши земного шара?

- Когда я спел "Олимпиада-80", мне было 30 лет - совсем мальчишка. Хотя СССР вторгся тогда в Афганистан, я посчитал, что это - олимпийская история, отдельно стоящая вещь. По сути, это уже тогда было тотальной политикой! Уже тогда можно было проявить непреклонность и сказать "нет!", но вышло так, как вышло. Теперь, через 35 лет, в свете того, что приближалась сочинская Олимпиада, меня начали бомбить из российской прессы практически каждый день: "Приезжайте в студию, тут собралось так много известных лиц, вспомним советское время!". Мне не хотелось им говорить, что я даже вспомнить его не хочу. Если бы я отправился петь песню "Олимпиада-80", то это сразу бы впрягли в пропагандистскую телегу.

- В прошлом году 14 декабря после долгого перерыва съездил с концертом в Москву, где спел вместе с тартуским ансамблем "Estraadiadio" четыре песни. Там тоже насладились, что "Олимпиада" нужна. Я сказал, что уже не смогу спеть ее, а они все равно подложили перед выступлением текст, от чего у меня волосы дыбом встали. Если же говорить о других песнях, то Виктор Резников написал "Мой дворик" и "Меняю" - это суперпесни, они были даже запрещены в какой-то момент. Мы с Витей, который позднее очень странно умер, стали большими друзьями, и его песни я с удовольствием пою до сих пор. Или песню Давида Тухманова "Остановите музыку" до сих пор петь не стыдно.

- Каким в действительности был Советском Союзе шоу-бизнес, которого официально как бы не существовало? Как бы вы описали свою роль в нем?

- В Москве было шесть-семь человек, которые на самом деле руководили всем соответствующим бизнесом в Союзе. Точно как в США - несколько типов, которые в действительности всем рулят. Эти же люди находились как бы под крылом Госконцерта и Росконцерта, но на самом деле они действовали независимо.

- Им давали добро, шоу-бизнес был бизнесом, в котором деньги зачастую давали в конвертах.

- Мне представляется, что так происходит и до сих пор. Летом на больших стадионах проходили гала-концерты с участием двух-трех групп, выступали еще, например, танцовщица из Большого театра, не входившие уже в первый эшелон, какие-нибудь юмористы...

- И на одном стадионе таких концертов бывало по меньшей мере два в день - как на коньякере. Обычно на этот кон-

церт был доволен, это "Король Убио" (режиссер Tüüt Ojsoo, 2006) и та самая вышеупомянутая роль в "Ruja".

- Что вы думаете сейчас о своих песнях на русском языке, с которыми стали известны на одной шестой суши земного шара?

- Когда я спел "Олимпиада-80", мне было 30 лет - совсем мальчишка. Хотя СССР вторгся тогда в Афганистан, я посчитал, что это - олимпийская история, отдельно стоящая вещь. По сути, это уже тогда было тотальной политикой! Уже тогда можно было проявить непреклонность и сказать "нет!", но вышло так, как вышло. Теперь, через 35 лет, в свете того, что приближалась сочинская Олимпиада, меня начали бомбить из российской прессы практически каждый день: "Приезжайте в студию, тут собралось так много известных лиц, вспомним советское время!". Мне не хотелось им говорить, что я даже вспомнить его не хочу. Если бы я отправился петь песню "Олимпиада-80", то это сразу бы впрягли в пропагандистскую телегу.

- В прошлом году 14 декабря после долгого перерыва съездил с концертом в Москву, где спел вместе с тартуским ансамблем "Estraadiadio" четыре песни. Там тоже насладились, что "Олимпиада" нужна. Я сказал, что уже не смогу спеть ее, а они все равно подложили перед выступлением текст, от чего у меня волосы дыбом встали. Если же говорить о других песнях, то Виктор Резников написал "Мой дворик" и "Меняю" - это суперпесни, они были даже запрещены в какой-то момент. Мы с Витей, который позднее очень странно умер, стали большими друзьями, и его песни я с удовольствием пою до сих пор. Или песню Давида Тухманова "Остановите музыку" до сих пор петь не стыдно.

- Каким в действительности был Советском Союзе шоу-бизнес, которого официально как бы не существовало? Как бы вы описали свою роль в нем?

- В Москве было шесть-семь человек, которые на самом деле руководили всем соответствующим бизнесом в Союзе. Точно как в США - несколько типов, которые в действительности всем рулят. Эти же люди находились как бы под крылом Госконцерта и Росконцерта, но на самом деле они действовали независимо.

- Им давали добро, шоу-бизнес был бизнесом, в котором деньги зачастую давали в конвертах.

- Мне представляется, что так происходит и до сих пор. Летом на больших стадионах проходили гала-концерты с участием двух-трех групп, выступали еще, например, танцовщица из Большого театра, не входившие уже в первый эшелон, какие-нибудь юмористы...

- И на одном стадионе таких концертов бывало по меньшей мере два в день - как на коньякере. Обычно на этот кон-

церт был доволен, это "Король Убио" (режиссер Tüüt Ojsoo, 2006) и та самая вышеупомянутая роль в "Ruja".

Тынис Мяги: "Тут вдруг понимаю, что этот поезд ездит по кругу. Внутренний голос говорит: "Спрыгни!". Другой голос: "Не прыгай - разобьешься насмерть!". И тут думаешь: "Пусть даже смерть, но прыгни!". И остался в живых! Матти Кямряя

ТЫНИС МЯГИ:
"Надо заниматься своим делом - и делать это как можно лучше"

да должен что-то сказать и когда мне нельзя ничего говорить. Внутренний голос сказал: "Всё, хватит, иначе всему конец!". У меня было видение: я еду на поезде, смотрю из окна и вижу пробегающие мимо деревья, кусты, деревни, какую-то реку и... Тут вдруг понимаю, что этот поезд ездит по кругу. Внутренний голос говорит: "Спрыгни!". Другой голос: "Не прыгай - разобьешься насмерть!". И тут думаешь: "Пусть даже смерть, но прыгни!". И остался в живых!..

- Это огромный контраст - только что вас слушали десятки тысяч на стадионах, а теперь многие ваши концерты в Эстонии по-настоящему камерные!

- В какой-то момент все достает! Если даешь по три-четыре концерта в день, то уже чисто физически не в состоянии выкладываться на 100 процентов. Делать все автоматически - и это опасно! По крайней мере полжизни моим твердым правилом было, что надо заниматься своим делом и делать его нужно как можно лучше. Тогда, может быть, тебя заметят и придет также кака-

я платя. Когда стало ясно, что дальше - только спад, голос уже не выдерживает, я абсолютно повторяется одно и то же, то в один день ушел и начал делать свою музыку.

Это уже вообще не важно, чтобы количество публики было большим - важно, что я добиваюсь той "температуры", которая должна быть между мной и публикой. Если могу резонировать воздух, чтобы все люди, по крайней мере большинство, ощущали это, то все в порядке - и я чувствую, что занимаюсь правильным делом. В последнее время выступал в маленьких местах, где пел для ста-двухсот человек, и это было, пожалуй, вообще самые интересные концерты. Например, недавно пел один пол музыки роля в blackbox кукольного театра. Сразу почувствовал, что все получается. Я даже не составляю для себя списка исполняемых вещей - концерт сам диктует.

- Что делает Эстонию особенным местом?

- То, о чем говорит Валдур Микита (*сезонтик и балод, автор бестселлера "Лингвистиче-*

ский лес". - Т.К.). У нас есть возможность отъехать от Таллинна на 15 километров и оказаться в лесу, где можно даже заблудиться. Мы настолько сильно связаны с лесом и природой, у нас сохранилось определенное собирательство. У два года прожил в Швеции - там никому даже в голову не приходит пойти в

лес и собирать грибы или ягоды. Это место само настолько мощное - мы через многие испытания прошли.

Были времена, когда эстонцев оставалась лишь грестка в алу-тагузских лесах, а спустя какое-то время нас было уже в три раза больше - вновь восстановились. Иван Грозный со всем своим во-

иском не смог нас уничтожить. Некоторые наши слова - старейшие в Европе, например, "ema" и "isa". В конце XVI века у нас 80 процентов людей умели читать и писать. В общем итоге мы прожили здесь 20000 лет, язык сохранился. Совершенно паразитическое общество!

Иван Грозный со всем своим во-

ПЕЭТЕР ВОЛКОНСКИЙ, ДРУГ И КОЛЛЕГА

- Мы с Мясом настолько давние и близкие друзья, что когда он встретился мне как-то посреди города Рубцовска*, то это оказалось совершенно естественным. К тому же, мы оба знали, что, косясь по российским просторам (он - как солист "Music Seif", я - как концертансе Гунара Граса), можно встретиться с разными людьми, в том числе с друзьями. Вино было местное и яблочное, концерты - большие и на стадионах... Дальше мы полетели в Брест. Обычно музыканты летят знакомиться с местными достопримечательностями, но поскольку Мяс - человек интересующийся, то мы позвали с собой еще греков из ансамбля "Бузуки" и пошли на экскурсию в крепость... Вечером в гостинице выпивка закончилась, и кто-то отправился к администратору за добавкой, в ответ на что вызвали милицию. Тут в "бой" вступили Мяс - и дело кончилось тем, что милиционеры сами привезли выпивку.

Несмотря на разные проделки, и в случае Мяска речь идет об очень ласковом и нежном звере. Он очень чувствителен к замечаниям - я имею тут в виду не болезненное восприятие критики, а его способность уловить в театре ядро того замечания, что делает режиссер. Иной актер этому научился, к нему это пришло с многолетним опытом, а у Мяска это просто есть. И вообще, он один из немногих, кому я могу сказать: я тебе говорю - ты понимаешь.

*Рубцовск - город в Алтайском крае, единственным достойным внимания фактом - кроме нашей встречи - в истории которого является то, что там родилась Раиса Максимовна Горбачева.

